

Thompson's Point

24 августа 2000 г., 12.30

Через полчаса едем в Thompson's Point. Это в Вермонте, мыс¹ на озере Champlain. А озеро само вытянуто с севера на юг, по границе между Вермонтом и штатом Нью-Йорк, его конец даже высовывается в Канаду. Озеро большое, больше 100 км в длину и, наверное, километров тридцать в ширину в самой широкой своей части. Это самое большое озеро к востоку от Великих озер.

Так вот на этом мысе сто лет тому назад дед Барбары, Joseph Hall, отец ее отца David'a², построил дачу. Поездки на эту дачу – самые яркие детские воспоминания Барбары. Они ездили туда каждое лето, всем семейством, когда отец брал отпуск. Он работал инженером в какой-то крупной авиастроительной компании, неплохо зарабатывал, но отпуск был маленький. В Америке было принято много работать и не слишком много отдыхать. Барбара, правда, часто проводила там по «две смены», одну с родителями, другую с семейством Uncle Bill'a, брата David'a.

У uncle Bill'a три сына, Пит, Стив и Джой, все они немного постарше Барбары, но младше ее брата Дика. Так что всегда была компания, включающая еще каких-то соседских детей. Купание, лодки, каноэ, парусная и моторная, прочие игры – в общем, волшебная дачная жизнь. Кульминацией обычно было восхождение на гору Camel's Hump (Верблюжий горб). К подножию можно подъехать на машине, а потом само восхождение, по туристской размеченной тропе, конечно. Барбара возила меня туда – вполне приличная горка, мы туда часа два забирались. Вид с нее чудный. Там всегда много туристов, как правило с детьми, дети должны быть в восторге.

Барбара родилась в Нью-Джерси, но в глубине души считает себя «вермонткой». И из-за этой дачи, и из-за того, что отец из Вермонта. И мама ее, хоть и родилась в штате Мэйн неподалеку, но в университете училась в Вермонте, в Burlington'e, на том же озере Champlain. Папа, конечно, там же учился. Там они и познакомились, и там же поженились – 72 года тому назад.

1 августа этого (2000-го) года Барбара получила e-mail от своего брата Дика – папа умер. Умер он мирно, во сне, ему было 95. За семь месяцев до этого, перед самым Новым годом, умерла мама Барбары и Дика, Helen. Ей было 93 года.

Последние годы отец Барбары не очень хорошо понимал, что происходит вокруг. Он почти ничего не помнил, почти никого не узнавал. После смерти Барбариной мамы он был в “nursing home” (доме для престарелых).

В июле Барбара летала ненадолго из Москвы в Америку и провела с ним целый день. Он ее узнал. Она пела ему лимерики, которые он пел ей в детстве. И он, вроде бы, вспоминал их.

Похорон не было. Родители Барбары, оба, давно завещали свои тела какой-то medical school. Будет memorial service. Не знаю, как лучше перевести, дословно, конечно – «мемориальная служба». Служба – так как чаще всего эта церемония проходит в церкви. Это, как правило, частная церемония, для близких и друзей.

¹ В моем «словарном» английском *point* – это прежде всего *точка*. Хотя это еще и *острие*, а на картах, на берегу моря или озера – всегда *мыс* (хотя кто знает, не исключено, что где-нибудь на сплошной суше может быть и *точкой*). А исходное значение, небось глагольное, *указывать*.

² Мне надо как-то различать отца Барбары – David'a, и ее сына Дэвида. Я буду писать имя старшего латинскими буквами.

Первые недели августа шла переписка по e-mail между Диком, Барбарой, другими родственниками, прежде всего, их кузенами, сыновьями Uncle Bill'a – где и как устраивать эту самую memorial service. Сразу пришла идея – на этой даче в Thompson's Point. Обычно, как я уже писал, memorial service устраивается в церкви. Но David не был религиозным человеком, скорее, наоборот, он был рационалистом, в духе прошлого века. Поэтому решили, что лучшее место – эта самая дача, Thompson's Point.

Дача сейчас принадлежит как раз этим кузенам. Когда Барбара написала им, выяснилось, что и Uncle Bill при смерти. И действительно, через несколько дней он умер. Ему было 92 г. Барбара думала вначале, что, может быть, будет одна memorial service для обоих братьев. Но дети Uncle Bill'a решили устроить мемориальную церемонию для него позже, может быть даже в следующем году.

А церемонию в честь David'a наметили на субботу, 26 августа. Приедут два сына Барбары. Моррис со своей женой Кати и их сыном Шоном. Им просто, они живут недалеко от Барбары. А Дэвид с Кэрол прилетят с Аляски. Младший сын Джоел не сможет приехать из Солт Лейк Сити (Барбара написала детям, что берет на себя все расходы, но у Джоела какие-то обстоятельства).

Дик, брат Барбары, приедет почти со всем своим громадным кланом. Только сын его не сможет приехать, его жена как раз собирается рожать. И старшей внучки не будет – она только что в колледж поступила, а там начинаются занятия. Будут все три дочери с мужьями и штук шесть внуков.

Будут и два кузена: Пит со своей женой Мариеке приедут с Трескового Мыса (Cape Cod), это в Массачусетсе, а Стив с женой Стеллой из штата Мэйн. Джой не приедет. Его жена больна. Как я уже писал, Барбара и Дик подружились со своими кузенами как раз на Thompson's Point. А сын Пита, Джим, работает в двухстах метрах от этой дачи, на лодочной станции – тут много яхт. Живет он в Burlington'e, это километрах в 20 к северу. И он, по сути дела, является «мэнеджером» этой дачи.

Кузены предложили всем, кто захочет, остановиться на даче, там много комнат. Сами они будут жить рядом – там на территории есть еще два жилых домика. Барбара и ее дети охотно согласились, а Дик со своим кланом остановится в ближайшем мотеле, они предпочитают комфорт.

Родители Барбары

Я познакомился с ними три с лишним года тому назад. Но первая запись о них в моем дневнике почему-то только через год:

17 февраля 1998 г.

Мы у родителей Барбары. Они живут недалеко от Балтимора, в дальнем пригороде, в собственном доме. Балтимор – это самый большой город штата Мериленд, недалеко от Вашингтона, примерно в семи часах езды на машине от Амхерста.

Отцу – David'у – 93 г., маме – Helen – 91. Не молоденькие. Барбара ездит к ним несколько раз в год, каждые два – три месяца. Я был тут с ней в первый раз как раз год тому назад. И с тех пор приезжал сюда с Барбарой раз пять.

Наблюдать людей в таком возрасте – это сильное впечатление. Конечно, когда тебе самому за 60, ты, как говорил Бродский, знаешь «чем это все кончается». И знаешь, что самому осталось не слишком много. Но тут просто физически ощущаешь, как люди естественно приближаются к этому концу, как жизнь постепенно из них уходит. Но лучше – без общих слов.

У David'a диабет. Каждый день ему проверяют кровь – на уровень сахара. Прошлой весной у него пару раз был инсулиновый шок и он недели на две попадал в госпиталь. Но в общем-то для его возраста здоровье у него неплохое, т.е. обычно у него, вроде бы, «ничего не болит».

Ходит он не без труда. И у него, и у Helen – специальные «ходилки» (walker’ы). Это такая легкая конструкция из алюминиевых трубок – четыре ножки с двумя перекладинами, две передние ножки на колесиках. Простое и замечательное изобретение. Очень помогает в этом возрасте, можно не держаться за стенки и не бояться упасть. И складывается, в багажнике машины почти не занимает места.

David уже слегка впал а детство. Память плохая. Он помнит, видимо, что было в детстве и чуть позже, но плохо запоминает то, что происходит сейчас. Кто я такой, например, он так и не усвоил, много раз спрашивал. За год, за несколько наших визитов, мое лицо, видимо, все-таки попримелькалось и не кажется ему новым, но в свою картину мира он меня не встроил и не очень этим обеспокоен. Т.е. он вообще, видимо, привык уже, что картина мира стала не очень четкой. Рядом – все время Helen, она-то неотъемлемая часть его картины мира. Барбару и Дика он, конечно, помнит. А то, что происходит вокруг, где он и как он – это, видимо, в каком-то тумане. Но он – очень добрый человек, очень любит своих близких. Самые частые слова его, обращенные к Helen или к Барбаре – “I love you”.

Иногда он становится несколько невменяемым. По-видимому, это какой-то сбой в смене режимов сна и бодрствования. Он как бы видит что-то во сне и при этом не видит того, что на самом деле вокруг него, и в этом сне он начинает реально жить, двигаться и разговаривать, как наяву. И требуется немало усилий, чтобы его из этого состояния вывести. Он раздражается, так как не понимает, что другие не видят того, что он видит.

Большую часть времени он сидит в кресле, у застекленной веранды, и смотрит на лужайку перед домом, на птиц на этой веранде – им туда насыпают корм и они привыкли туда прилетать. Когда-то он сам этот корм покупал, он любит птиц и всякое зверье. Или он сидит в другом кресле, с закрытыми глазами.

Helen же напротив, в абсолютно здравом уме. Память, конечно, не самая лучшая. Но она – как бы это сказать – полностью контролирует свою жизнь. Хотя здоровье – похуже, чем у David’a. Лет восемь назад она перенесла операцию на открытом сердце. Ей сказали, что без операции она не проживет и полгода, а после операции года четыре ей гарантировано. Она согласилась и действительно живет. Но вот уже несколько лет, как она почти ничего не видит. У нее есть специальное «читающее устройство» под названием «Аладин» – можно подложить любую бумажку и на экране видеть ее увеличенной раз в десять. В основном Helen пользуется этой машиной, чтобы подписывать чеки – она ведет все семейные финансовые дела.

Сейчас у нее не лучший период – она растянула мышцу на спине, а в этом возрасте каждая дополнительная травма – громадная проблема.

Оба они по несколько раз в день принимают свои лекарства, штук по десять разных таблеток.

Живут они в собственном доме, который построили тут в 1960 году. Это не очень большой дом – одноэтажный, три спальни, две ванных комнаты, кухня, большая Г-образная³ living room, верхняя часть этого «Г» служит столовой.

Сейчас в доме многое приспособлено для «пожилой» жизни – на креслах слой паралона, чтобы они были выше и легче было бы садиться и вставать. Всякого рода поручни в ванной и у унитаза, ведь сесть и встать – это уже проблема. Телефон с крупными кнопками – чтобы лучше видеть. Но главное – что дом знаком до последней мелочи.

Лет семь назад они еще водили машину. Но потом как-то David въехал в дверь гаража. А у Helen совсем зрение ухудшилось. Надо было уговорить их отказаться от машины. Барбара нашла аргумент: «Представьте, что вам надо было сейчас получать права – дали бы их вам?» David задумался и сказал – “I am afraid they do not give a team license” -- Боюсь, они не дают права «на команду» (на двоих – он считал, что вдвоем они, может быть и могут справиться, он неплохо видит, а Helen неплохо соображает; чувство юмора у него было).

А сейчас каждый выход из дома – проблема. Хотя Барбара или Дик время от времени вывозят их по каким-нибудь делам.

³ Барбара, прочитав эту фразу, написала на полях: “ We call it L-shaped!”

Год назад, когда Барбара в первый раз привезла меня к ним, они жили почти самостоятельно. Несколько раз в неделю, часа на четыре в день к ним приезжали помощники. И, конечно, Дик и его семья все время были на страже и всегда готовы придти на помощь. И бывали у них не один раз в неделю. Благо, все живут довольно близко – в нескольких милях.

Но за это год все постепенно менялось. Сейчас у них уже круглосуточный присмотр. Помощница – Кэрл, которая раньше приходила на несколько часов, теперь в течении рабочей недели (кроме weekend'ов) живет в доме. А в субботу и в воскресенье приезжают другие помощники. При нас на дневные часы в субботу и в воскресенье приезжала негритянка Джеки.

Дик и его семейство.

Дик старше Барбары на 10 лет. Он громадный – 2 метра ростом. Он был профессиональным бейсболистом, начал играть еще в колледже (он учился в том же Swarthmore, как и Барбара), а потом лет 20-25 после колледжа играл в профессиональных командах. Одна из его команд, балтиморский «Oriole» при нем выиграла американское первенство, его знала вся страна – тут бейсболисты популярнее президентов. А сейчас он представлен в балтиморском бейсбольном «Hall of fame» (Зале славы). Я не знаю, правда, что это значит. Какой-то стенд, наверное, ему посвящен, с портретами, фотографиями и еще чем-нибудь. Сейчас бейсболисты его уровня получают громадные деньги – миллионы долларов в год. Но когда он играл, платили сильно меньше.

Завершив свою бейсбольную карьеру, он работал accountant'ом, это что-то вроде бухгалтера. И сейчас он еще как-то работает, хотя ему уже под 70.

В начале своей бейсбольной карьеры он в течении нескольких лет зимой (в дополнение к летнему американскому бейсбольному сезону) играл в Мексике за какую-то тамошнюю команду. Там он женился на Елене, мексиканке, местной красавице. У них четверо детей, три дочери и сын. Дочери замужем, сын женат. Уже восемь внуков, старшие уже в high school, самой маленькой внучке – дочке сына, который недавно женился – всего полгода.

Дик, конечно, живет в своем доме, милях в 10 от родителей, дочери – каждая тоже в своем доме – где-то тоже тут поблизости, в окрестностях Балтимора. Только сын живет в другом штате, в Северной Каролине.

Но сейчас Дик с Еленой решили переселиться в кондоминиум⁴, в квартиру, я не знаю точно, почему. Кажется, основная причина, что у Елены больные ноги и ей трудно в своем доме ходить по лестницам с этажа на этаж. А у них дом расположен на склоне, там много уровней.

И родители Барбары тоже решили переехать в тот же кондоминиум, в соседнюю квартиру, чтобы жить рядом. Вроде бы так всем должно быть лучше – родителям спокойнее, а Дик у него же легче. Сейчас, чуть что, ему звонят, дергают, он срывается с места и едет за эти 10 миль. А тут – рядом. В апреле-мае обещают построить это кондоминиум и они переедут.

Вчера Дик возил нас показывать этот кондоминиум. Вначале мы посмотрели «выставочную» квартиру, а потом их реальные недостроенные квартиры – еще без перегородок. Это новый район, не очень далеко от их теперешнего дома.

Хроника 1998 –2000 гг.

На этом моя запись 98 года обрывается. Была еще одна большая запись в декабре прошлого 99-го года – в начале декабря мы были в Балтиморе. Но она была в той тетради, которую я тогда забыл в самолете. Поэтому про дальнейшее – только краткая хроника событий.

Они действительно вскоре переехали. И, вроде бы сравнительно легко этот переезд перенесли. Барбара продолжала их регулярно навещать, примерно раз в два месяца. В

⁴ Кондоминиум (в просторечие – кондо) – это что-то вроде нашего жилищного кооператива. Частная компания строит дом или несколько домов. Продает в них квартиры и поддерживает все обслуживание этих квартир и прилегающей территории (как наш ЖЭК в теории). А вы ей за это, конечно, платите.

сентябре 98 г. после свадьбы Дэвида и Кэрол мы ездили туда с ними вчетвером. Helen поздравляла молодых и даже приготовила шампанское. В том же году Барбара провела с родителями Рождество – я незадолго до этого вернулся в Москву. Но как правило я ездил вместе с ней – если был в Америке. Между визитами она раз в неделю звонила маме. Их здоровье и общее состояние, естественно, не улучшались. Helen все меньше, так сказать, управляла делами в доме. Если, скажем, раньше, перед нашим приездом, она «планировала» обед, занималась подготовкой «нашей» комнаты (всю реальную работу, конечно, делала Кэрол, помощница, но Helen руководила), то теперь про обед думала Барбара. Мы по дороге заезжали в супермаркет и потом ездили в магазин, покупали, что нужно. Барбара каждый раз старалась придумать какие-нибудь развлечения для мамы – возила ее в ресторан, к парикмахеру. Рассказывала ей все новости, все про детей, показывала фотографии, которые почти ничего не видящая Helen как-то умудрялась рассматривать. С папой Барбара тоже старалась общаться, как могла. Хотя он все больше (может быть, точнее, все глубже) «уходил в себя». Когда к нему обращались с чем-нибудь, чаще всего он отвечал: “I don’t know. I am ninety three (four, five) years old...” – «Я не знаю. Мне девяносто три (четыре, пять) года». Мол, не приставайте ко мне... Но Барбара все время старалась как-то его растормошить. И часто не безуспешно. Она много говорила с ним, что-то они вспоминали. И, конечно, делала все, что нужно. Кровь брала на сахар. Стригла его – дома, сама.

Время от времени с кем-нибудь из родителей что-нибудь случалось, и они попадали на какое-то время в больницу.

А в конце 99 года Helen упала и сломала ногу. Ей сделали операцию, вставили какой-то стержень. Она попеременно лежала то в больнице, то в другом заведении – что-то вроде реабилитационного центра, где обеспечивают нужный уход после больницы. Мы были в у нее в этом центре в начале декабря, даже David’a к ней привозили. В первых числах января мы улетали в Москву. В конце декабря Барбара еще раз слетала в Балтимор и навестила ее. А через два дня позвонил Дик – Helen умерла.

И вместо Москвы Барбара снова полетела в Балтимор. Там, в местной протестантской церкви была memorial service – для Helen это было естественно, ее отец был священником.

После ее смерти David’a перевели в nursing home (дом для престарелых), это другое крыло того же центра, где лежала Helen, и где он сам бывал уже несколько раз. Там хороший персонал и хороший уход. А он уже не очень понимал, где он находится. Барбара сказала ему, что умерла Helen, спросила – понял ли он. Он сказал – кажется мы потеряли кого-то очень дорогого.

Мы были у него там в феврале. В июле, как я уже писал, Барбара приезжала к нему. А в августе он умер. Он еще несколько лет назад говорил, что хочет умереть. И потом много раз это повторял. Барбара и Дик каждый раз говорили ему, что он должен жить ради близких, главное – ради Helen, он ей очень нужен. Он соглашался. Действительно держался, жил. Но она умерла. И он недолго прожил без нее.

24 августа 2000 г. (продолжение).

Примерно в час дня к нам на Hobart Lane приехали Моррис с Кати и Шоном. Шон спал в машине в своем кресле. Моррис зашел, и они с Барбарой согласовали маршрут. Было два крайних варианта – быстрый, по Interstates и «живописный», по проселочным дорогам, через горы и леса Вермонта. Остановились на промежуточном: вначале по Interstate 91, на север а потом вбок, налево, на эти проселочные дороги (тоже, конечно прекрасные дороги, только чуть поуже и поизвилистее). Барбара аккуратно выписала на

кусочке бумаги directions – все узловые точки, где будем менять дороги. Решили, что где-нибудь по дороге и поланчуем, когда Шон проснется.

Выехали – двумя машинами, конечно. И для независимости, и чтобы не тесниться. Их машина загружена вещами Шона – кроватью, высоким стулом и т.п. Да у нас много багажа образовалось – Барбара на всех везет белье, полотенца. Компьютеры, как всегда едут (я потом свой только в последний день открою – эти записки начну набирать, а Барбара, наоборот, только в первый день включила свой компьютер ненадолго, почту посмотрела, хотя обычно она во всех поездках много за компьютером сидит).

Шон проснулся часа через полтора. Мы были уже в Вермонте, у городка Спрингфилд (Springfield). У меня впечатление, что городки с таким названием встречаются через каждые сто миль, куда не поедешь; к югу от Амхерста, например, массачусеттский Спрингфилд, самый большой город Западного Массачусетса. Этот, вермонтский, куда мы свернули, совсем маленький.

Подъехали к какому-то небольшому заведению – Subway. Это тоже fast-food'ная chain⁵, как и Макдональдс, только не такая всемирно-известная, хотя я кажется уже и в Москве где-то такое заведение видел, в Европе уж точно. Еда – разные пиццы и фирменные большие сэндвичи, subs⁶. Все это не очень fast. Эти самые «сабы» греют, а пиццу, как и полагается, пекут. Но, видимо, так и предполагают, что ты здесь не так уж спешишь. Моя пицца мне понравилась.

Раз уж заехали в Спрингфилд, чуть скорректировали маршрут. Барбара и этот результат коррекции аккуратно выписала. Поехали по вермонтским дорогам. Вермонт и в самом деле очень красив – горы, леса, маленькие быстрые речки. Особенно красиво тут осенью – когда листья желтеют и краснеют.

Этот осенний Вермонт я видел в кино. В первый мой год здесь Барбара показала мне на видео старый хичкоковский фильм “The troubles with Harry”. Действие происходит в каком-то медвежьем углу Вермонта, на фоне совершенно неправдоподобной красоты. На какой-то лужайке обнаруживают труп этого несчастного Гарри. Почему-то остальные герои боятся, что это они были причиной его смерти. И по-очереди тайно выкапывают и закапывают этот труп, пока не выясняется, что Гарри умер сам по себе и никто в этом не виноват. Вся эта макабристская комедия разворачивается на фоне роскошного и жизнеутверждающего вермонтского пейзажа. Такой художественный прием.

Мы посмотрели этот фильм, кажется, летом. Летом же пару раз ненадолго ездили в Вермонт, поколесили немного по нему и даже заезжали в Thompson's Point, попили чай с Uncle Bill'ом. Ему было тогда 89, но он один жил тут на даче, в отдельном домике, опекаемый своим внуком Джимом, который, как я уже писал, живет в Burlington'e, а работает рядом с дачей. А осенью я в Вермонте не был, и осеннюю красоту наблюдал в Массачусеттсе, в том же 97 году. В том году осенние краски были особенно яркие.

Но вернусь к нашей поездке. На этот раз я почти всю красоту проспал. Уже недалеко от дачи мы остановились у какого-то фермерского магазинчика, купили хлеба, овощей, кукурузы, голубики и прочей снеди, а потом, уже в маленьком «нормальном» магазинчике купили обычных продуктов – ветчину, сыр, молоко, йогурт, масло, вино, пиво, что-то, наверное, еще.

⁵ Fast food – «быстрая еда». В Америке много таких заведений разного типа. Почти все они объединены в chains, «цепи», «звенья» которых – отдельные точки – вы встречаете на каждом углу.

⁶ Sub – от submarine, такой сэндвич делается из продолговатой булочки, похожей на подводную лодку.

На дачу приехали часов в семь. Дверь нам оставили открытой, впрочем, впечатление такое, что двери тут вообще не запирают. По крайней мере, пока мы тут жили, ни одна дверь не запиралась.

На ужин Барбара приготовила «чили» – из готовых ингредиентов, купленных еще в Амхерсте: бобов в банках, томатного соуса, еще чего-то. Используя большое количество лука и чеснока, нарезанного мною под ее руководством (дело осложнялось тем, что Кати с Моррисом не едят лука, пришлось резать крупно, чтобы они могли этот лук вынимать).

Пужинали – Шон восседал на своем высоком стульчике и ел уже «взрослую» еду.

Дача.

Она на берегу, как и все дачи вокруг,. Вдоль берега полоса леса, метров в тридцать – сорок шириной, и дачи в той полосе. Берег довольно плотно застроен – с одной стороны до соседнего дома метров десять, с другой – метров двадцать-тридцать. К озеру обрыв, у этой дачи небольшой, метра четыре, а чуть подальше, у других дач, видно, что много выше, метров десять-пятнадцать. Две лестницы по этому обрыву, к воде. Между обрывом и водой узкая полоска низкого скального берега. В озеро уходит деревянный причал – с него уже можно нырять, но есть и лестница. Глубина – по пояс. Дальше, конечно, глубже. Озеро глубокое, чуть ли не 100 метров – видимо, разлом. Вода абсолютно прозрачная. И довольно теплая, примерно как в нашем озере на нашей подмосковной даче летом.

Дом большой, примерно метров 12 на 14. Громадная крытая веранда со стороны озера. Внутри, на первом этаже, большая гостиная с камином, сложенном из крупного камня, большая столовая, средних размеров кухня. Как положено, pantry – большая кладовка с полками для посуды. Еще «сени», в которых стоит большой холодильник и много полок. Через улицу можно пройти в пристроенную, видимо, позже ванную комнату. А на втором этаже шесть сравнительно небольших спален, не считая крытой веранды, защищенной от комаров сеткой – на этой веранде еще две кровати. Потолка на втором этаже нет – крыша. А стенки высотой метра два с небольшим. До крыши, естественно, не доходят, просто дощатые перегородки. Поэтому, конечно, слышимость абсолютная. В каждой спальне встроенный шкафчик и простая мебель – кровать, конечно, и какие-то комодики. У нас вот и столик стоит, на котором я сейчас печатаю. И два зеркала висят. Какие-то фотографии индейцев, видимо, вырезки из журнала. И школьный рисунок Тажи, дочка Джима, это, кажется, ее комната. На втором этаже тоже bathroom, но без ванны и душа, только унитаз и раковина. Горячая вода везде.

Над унитазами в обеих bathrooms надписи: If it's yellow, let it mellow/ If it's brown, flush it down. (т.е. «желтое» пусть остается «доспевать», а «коричневое» надо сливать).⁷ Тут дорогая канализация. За галлон (4 литра) «слива» берут 5 центов.

На «участке» еще несколько строений: маленький одноэтажный жилой домик, потом «лодочный» домик, в котором есть жилое помещение, дровяной сарай, домик для инструментов – куча самых разных, еще что-то.

Несколько лодок – моторная, небольшая парусная, два каноэ – большое алюминиевое и совсем маленькое одноместное из пластика.

Участок ничем не огорожен, условные границы скорее угадываются.

⁷ Замечу для тех, кто не знает, что американский унитаз несколько отличается от «европейского» – он всегда наполовину заполнен водой, в которую «пользователь» и «отправляет» свои естественные отправления, а потом сливает. И бачок обычно громадный. В последнее время появились новые, экономящие воду, модели – вода в слив подается под давлением.

25 августа, пятница.

Чудный день, солнце, тепло, но не жарко, чуть больше 20 градусов. Озеро спокойное, небольшой ветерок. Несколько яхт на горизонте.

Что сегодня? Моррис и Кати уехали после завтрака в какой-то музей поблизости и оставили нам Шона.

Часов в 11 появилась старшая дочь Дика Норма со своим мужем Дейлом и дочкой Лорой. Они только что прилетели. И примерно в то же время приехали Дик с Еленой, они ехали из Балтимора на машине, где-то по дороге ночевали. А чуть позже приехала их младшая дочь Helen со своими детьми – Скотти и Мартой.

Барбара организовала ланч. Заранее договорились, что Барбара обеспечивает кормежку на даче, кроме главного ланча – после церемонии в субботу, это взяла на себя Елена.

После ланча все были воздухе, погода чудная. Дети резвились на воде, а взрослые – кто где, кто на веранде сидел, кто на лодках катался. Барбара плавала, я окупался, вода хоть и не холоднее, чем на нашем озере, но боюсь за свои почки. Зато потом на маленьком каноэ немного покатались.

Кажется примерно в это время, во второй половине дня прибыли кузены – вначале Пит с Мариемой, потом Стив со Стеллой. Пришел Джим, сын Пита. Приехала средняя дочь Дика Марта со своим мужем Кевином и детьми. Они прилетели из Европы, были там на каникулах..

Ближе к вечеру Барбара организовала ранний обед – Елена с Диком и большая часть их семейства хотели пораньше вернуться в Burlington. Барбара наварила громадную кастрюлю спагетти и приготовила две кастрюли соуса – мясного и вегетарианского. Я нарезал опять лук и чеснок для спагетти, помидоры и огурцы. Было несколько бутылок вина, много пива, разные soft drinks. Все было «фуршетно» – народу было человек 20. Располагались все, в основном, на веранде – она громадная, и там много старых заслуженных кресел, стульев, диванчиков. Дети на складных стульях устроились на лужайке.

А уже после обеда подъехали жена Джима Цинтия с дочкой Тажей. В общем, так и задумывалось – family reunion, сбор всей семьи. В этом, собственно, главный смысл мероприятия. Собрались, вроде бы, по грустному поводу. Но настроение было не грустное, а светлое. Как свет на этом озере. David прожил долгую и, в общем, счастливую жизнь. Жизнь эта кончилась и кончилась естественно. Все его близкие очень его любили. И им естественно было собраться по этому поводу. На memorial service – в его светлую память.

Комментарий – чуть позже.

Я написал весь этот текст, но вот этот предыдущий абзац – про грустный повод и не грустное настроение – как-то требовал пояснений. Конечно, все это трудно вербализовать, но хоть что-то. Прежде всего, все, конечно, индивидуально. Одно дело я или невестки Барбары, познакомившиеся с ее родителями сравнительно недавно, и другое дело сама Барбара. Мое отношение к ее родителям, было, конечно, в основном, так сказать, через нее. С David'ом мне вообще было уже невозможно общаться, да и с Helen настоящего общения не получалось, хотя она была очень доброжелательна. Но возраст, разные культуры, языковой барьер (ей мое произношение было трудным, мне – ее).

Сложнее сказать про Барбару. У нее всю жизнь с родителями были самые нежные и близкие отношения.⁸ Но долгая старость – и подарок, и испытание. Смерть – уход. Старость – постепенный уход. С David’ом это было особенно отчетливо. Общение с ним постепенно сводилось к какому-то простейшему уровню. Все близкие отношения в значительной мере основаны на памяти, на всей истории этих отношений. Но тут, в последнее время, эти отношения уже целиком складываются из памяти, любви, грусти и этого простейшего общения – покормить, поддержать, когда садится или идет куда-нибудь. Обнять, сказать “I love you”...

Поэтому, наверное, смерть в таком возрасте (и в таком состоянии) и воспринимается не как трагедия, а как что-то неизбежное и естественное. Но, конечно, у Барбары сейчас, после смерти родителей – ощущение пустоты. Были – и нет.

26 августа, суббота. Церемония.

Memorial service была назначена на 11 утра. А еще раньше пришла соседка, Джанет. Их семья жила тут чуть ли не с самого основания поселка. Барбара помнила ее – по тем своим дачным временам. Джанет принесла старые фотографии – David, ее мать, Uncle Bill и его girl-friend в 1922 г.

Приехал Эммон, бывший муж Барбары.

В начале двенадцатого все собрались. Солнышко, тепло. Спустились на самый берег. Дик и Барбара стояли у самой воды, остальные образовали что-то вроде круга. Начал Дик, сказал какие-то вводные слова. Потом про то, где David работал. Каким он был. Разные эпизоды. Как, например, он один из сотен сотрудников своей фирмы ездил на работу на велосипеде, он считал, что это полезнее и дешевле. Как он объяснял, что новый век начинается не в «круглом» году, а в следующем.

Потом Барбара говорила. Вспоминала разные истории – как David любил играть с детьми и как все дети любили его, и его дети и внуки, и все их друзья.

Потом «семейный историк» Helen, дочь Дика. И многие другие – Пит и Стив, Джанет, Эммон, кто-то из внучек, всех уже не помню.

После церемонии – ланч, который организовывала Елена, они накануне закупили массу снеди в каком-то заведении, уже в готовом, «фуршетном» виде.

Все опять были или на веранде, или на лужайке, а после ланча и на озере.

К вечеру народ стал разъезжаться.

Воскресенье, 27 августа.

В воскресенье утром, кроме Барбары и, так сказать, ее части семейства, были только кузены с женами. Общий завтрак – Барбарыны невестки Кэрол и Кати напекли pancakes, это что-то между нашими блинами и оладьями.

Потом мы простились с кузенами, вымыли посуду, вычистили дом – и уехали. Ланчевали с Дэвидом и Кэрол на полпути, на берегу какой-то речки (Морис с Кати и Шоном уехали чуть раньше).

А когда мы подъезжали к границе между Вермонтом и Массачуссетсом, дорогу (Interstate !), не торопясь, перебежал медведь – черный, видимо, молоденький. David бы поразился, он любил зверье и вообще – все живое.

⁸ К 90-летию каждого из них она написала им по большому тексту, вспоминая и благодаря их. И мне она много и писала, и рассказывала о них – и как они познакомились, и про свое детство и тот же Thompson’s Point.